

III. ПРИЛОЖЕНИЕ

8

Мужские антропонимические модели молдавских поземельных грамот (конец XIV – начало XVII в.): основные результаты квантитативного анализа и их интерпретация

А. А. Романчук, Ю. О. Цвигун

В статье представлены основные результаты квантитативного анализа мужских антропонимических моделей молдавских поземельных грамот (конец XIV – начало XVII в.).

По принципу конечного оформляющего элемента имени («фамилии», прозвища) было выделено 35 основных моделей для личных имен и 17 – для «фамилий» (прозвищ). Выявлены и ранжированы по частоте наиболее популярные модели для личных имен и для «фамилий» (прозвищ). Для личных имен тремя наиболее популярными оказались модели на -п, на -а и на -е. Модель на -а занимает второе место и входит в топ-10 «фамилий». Была проанализирована и временная динамика наиболее популярных моделей, что позволило установить ряд закономерностей.

Также были выявлены и ранжированы по частоте наиболее популярные имена, встречающиеся в молдавских поземельных грамотах. Тройка лидеров наиболее популярных личных имен поземельных грамот – Ion, Toader и Ionașco (производное от Ion).

Опираясь на полученные статистические данные, авторы предлагают их историческую интерпретацию.

Ключевые слова: антропонимика, модели личных имен, средневековая Молдова, поземельные грамоты.

Как ярко показал в своих работах В. А. Никонов, квантитативный анализ данных антропонимики может иметь чрезвычайное значение в решении исторических проблем.

Между тем несколько лет назад Р. А. Рабиновичем была предложена весьма аргументированная гипотеза о связи балканских *волохов* и русских *волхвов* (Рабинович 2000; 2011a) и, соответственно, о восточноевропей-

История и Математика: футурология и методология 2015 118–149

ском происхождении волохов. Цитируем: «Волохи на территории Восточной Европы были известны славянам под этнонимом “волхвы”. Данные лингвистики и анализ письменных источников позволяют предполагать, что значение слова “волхв” в русской культуре со временем менялось: изначально оно было этническим понятием, но со временем <...> приобрело чисто профессиональный смысл. Волохи на востоке Европы представляются неславянской этнической группой индоевропейского происхождения, наиболее вероятно, балтского, но в раннесредневековое время уже тесно связанной с финно-угорским миром, инкорпорированной в этносоциальную структуру летописной мери» (Рабинович 2000: 363–364).

Не ставя себе здесь целью проверку истинности этой гипотезы (хотя, повторим, нам она представляется весьма убедительной и аргументированной), полагаем, что было бы любопытно сопоставить ее выводы с результатами количественного анализа данных антропонимики.

Поэтому мы, развивая свои предшествующие наработки (Романчук 2010; Романчук, Цвигун 2013а; 2013б; Romanchuk, Tsvigun 2013), решили попытаться рассмотреть вопрос о степени популярности мужской антропонимической модели на *-i* (то есть модели личных имен, оканчивающихся на *-i*) в собственно средневековой Молдове – государстве, одним из главных «отцов-основателей» которого были именно волохи. А поскольку популярность/непопулярность той или иной антропонимической модели может быть определена лишь в сравнении с прочими, то стоящая перед нами задача приобрела вид, отраженный в названии этой статьи: произвести количественный анализ вообще мужских антропонимических моделей средневековой Молдовы.

Для решения этой задачи мы использовали такой весьма репрезентативный источник, как молдавские поземельные грамоты, то есть грамоты, в которых молдавские господари жаловали и подтверждали земельные владения своим подданным.

Надо заметить, что в силу особенностей социальных отношений раннефеодальной Молдовы (практически как раз до начала XVII в.) владельцами земли являлась не только знать (включая мелкую), но в очень значительном числе случаев и свободные крестьяне. Поэтому молдавские поземельные грамоты предоставляют нам уникальную возможность исследовать молдавский средневековый антропонимикон в целом, а не лишь привилегированных социальных групп.

1. База данных мужских антропонимов молдавских поземельных грамот: общая характеристика

Приступая к общей характеристике составленной нами базы данных (Цвигун 2014), отметим прежде всего, что сами грамоты публиковались на протяжении XIX–XX вв. неоднократно. Во второй же половине XX в.

Академия наук Румынии решила опубликовать максимально полный свод поземельных грамот – как уже публиковавшихся ранее, так и новых. Свод получил название “Documente privind istoria României. Seria A. Moldova” (в общепринятой аббревиатуре – DIR).

Для наших целей он оказался наиболее удобен, поскольку, во-первых, доступен (в отличие от более позднего свода “Documenta Romaniae Historicae”) и, во-вторых, для него А. И. Гонцей был составлен отдельный том “Indicele numelor de persoane. Veacurile XIV–XVII (1384–1625)”, опубликованный в 1995 г.

Том организован по принципу словаря и содержит данные обо всех людях (мужчинах и женщинах), а в некоторых случаях – и местностях, упомянутых в **молдавских поземельных грамотах** 1384–1625 гг. Часть персонажей грамот (и достаточно большая) обладала не только именем, но и фамилией, или прозвищем при имени, или патронимом. Каждый упомянутый человек составляет одну статью словаря, в которой дается информация о тех или иных его действиях, описанных в грамотах, о годах, когда он совершал то или иное действие. Кроме этого, в статье в скобках указывается год, реже – годы, когда тот или иной человек был упомянут, к примеру: (men. 1603). Также в каждой статье есть ссылка на век, том и даже страницу сборников молдавских поземельных грамот. Однако бывают и исключения, где может быть неуказанным один или несколько из перечисленных параметров.

Для нас особую важность составляют даты упоминаний персонажей (обычно указанные в скобках). В базу данных мы вносили имена, прозвища при фамилиях и патронимы в столбец, соответствующий периоду упоминания. Иногда, когда в тексте не было такого указания, мы пользовались либо другими годами, указанными в статье, либо вычисляли период, в который мы должны были его внести, по указанному веку и тому сборников молдавских поземельных грамот. Но всего таких сложных случаев оказалось немного – около 50, что никак не скажется на выводах.

Мы вносили в БД по отдельности две группы антропонимов: 1) личные имена; 2) фамилии, прозвища при именах и патронимы (далее мы будем для краткости именовать их «фамилиями»). Кроме того, мы учитывали, что в нашем источнике отдельно от «молдаван» выделены такие этнические группы, как цыгане и татары, поэтому для каждого этноса мы по такому же принципу составили отдельную базу данных.

Мы используем здесь наименование «молдаване» в кавычках, поскольку де-факто речь идет вообще о населении Молдовы (за исключением цыган и татар) – безотносительно их этнической принадлежности. Вопрос этнической принадлежности остается, как правило, за кадром внимания поземельных грамот. И, безусловно, значительная часть лиц, упомянутых в поземельных грамотах, не были представителями собственно

молдавского этноса. Например, достаточно высока доля имен славянского происхождения. Но, опять-таки, были ли их носители славянами? У нас, как правило, нет возможности проверить того или иного персонажа на предмет его этнического происхождения. Поэтому мы будем условно именовать всех лиц, внесенных А. И. Гонцей в молдавскую часть своего указателя, «молдаванами» и станем рассматривать их в рамках соответствующего множества.

Итак, в количественном отношении в БД было всего внесено: для «молдаван» – 6310 вариантов личных имен, относящиеся к 18 157 носителям, и 2487 вариантов «фамилий», относящихся к 3363 их носителям. Для цыган были внесены 644 варианта личных имен, относящиеся к 1406 носителям, и 83 варианта «фамилий», относящиеся к 93 их носителям (Табл. 1).

Табл. 1. Общее количество мужских антропонимов и их носителей, внесенных в базу данных

	«Молдаване»		Цыгане	
	Личные имена	Фамилии, прозвища при именах или патронимы	Личные имена	Фамилии, прозвища при именах или патронимы
Количество носителей	18 157	3363	1406	93
Количество вариантов	6310	2487	644	83

При этом временной отрезок с конца XIV до начала XVII в. мы разбили на 9 более мелких периодов по 25 лет каждый (кроме первого), что соответствует одному поколению. Первый же период охватывает отрезок времени в 41 год (1384–1425 гг.): поскольку равномерно разделить весь временной интервал на равные двадцатипятилетние отрезки не представлялось возможным, мы решили внести последние 16 лет XIV в. в первый период. Полагаем, что это не скажется на выводах, так как именно данный период характеризуется самым низким числом упоминаний антропонимов (что определяется, соответственно, самым низким количеством и самих грамот для этого периода).

Стоит также отметить, что среди «молдаван» встречались люди, чьи антропонимы содержали не два элемента – имя и фамилию/прозвище/патроним, а три, например: Mihael Dogă cel Bătrân (Gonța 1995: 452), Grigorie Alexandru Ghica (*Ibid.*: 269), Apostol Deli Gheorghiu (Gonța 1995: 51), Oană Juliei Pântece (*Ibid.*: 521). Как видно из примеров, они имели личное имя, а также либо два прозвища – Mihael Dogă cel Bătrân, либо

двойную фамилию – Apostol Deli Gheorghiu. В базу данных мы вносили все элементы антропонима согласно их функции.

Также среди так называемых «молдаван», упомянутых в тексте “Indicele...”, встречались имена иностранных купцов (греков, турок) или иностранцев, находящихся в тех или иных связях с господарями Молдовы. Всех их мы не включали в БД.

2. Основные антропонимические модели молдавских поземельных грамот: квантитативный анализ базы данных

Следующим этапом нашего исследования стал квантитативный анализ созданной нами базы данных (далее БД).

Основными задачами квантитативного анализа стали:

1) выявление антропонимических моделей с помощью автоматической сортировки по последней букве (или нескольким последним) каждого антропонима;

2) количественная оценка популярности выявленных моделей (то есть подсчет количества антропонимов, относящихся к каждой модели, а также, что еще важнее, подсчет совокупного количества носителей антропонимов, относящихся к данной модели);

3) анализ динамики популярности наиболее важных антропонимических моделей (в рамках девяти выделенных нами периодов).

Поскольку база данных была создана нами в таблице Excel, то именно возможности этой программы и использовались для квантитативного анализа.

Существенно важно также подчеркнуть, что хотя сами молдавские поземельные грамоты этого периода в подавляющем большинстве написаны на диалекте славянского языка (старославянский язык с очень сильными влияниями живой разговорной речи Галицко-Волынской Руси [Рацеева 1997]), но их публикация в DIR была осуществлена с переводом на румынский язык (недостаток, исправленный в следующем, но, к сожалению, недоступном нам издании – “Documenta Romaniae Historicae”). Поэтому в БД антропонимы вносились нами в латинской транскрипции (что, конечно, создавало определенные неудобства). И, соответственно, наиболее нас интересовавшая на тот момент модель на *-i* выражена в латинской транскрипции как модель на *-i*.

При этом нам пришлось вручную отделить ряд групп антропонимов, которые в латинской транскрипции также определялись автоматической сортировкой как модель на *-i*, в частности модели на *-ь* и на *-и*. Впрочем, забегая вперед, надо сказать: как мы выяснили далее, на самом деле действительно модели на *-ь* и на *-и* в молдавской антропонимике могут рассматриваться как дериваты модели на *-i*.

Квантитативный анализ проводился по одним и тем же параметрам (с незначительными модификациями) отдельно по личным именам, отдельно – по «фамилиям» (то есть напомним: прозвищам при именах, патронимам и собственно фамилиям), а также отдельно по каждой этнической категории: «молдаванам» и цыганам. Татары, в силу своей малочисленности (около 70 персонажей), хоть и вошли в БД, квантитативному анализу не подвергались, поскольку статистическая значимость результатов была бы ничтожной.

Все результаты квантитативного анализа были представлены нами в графическом виде (круговые диаграммы, гистограммы, графики).

2.1. Антропонимические модели «фамилий» и личных имен «молдаван»

Начнем с «молдаван», под которыми, напомним, понимаются все персонажи поземельных грамот – жители средневековой Молдовы, за исключением цыган и татар.

Итак, в результате анализа нами были выделены 35 моделей личных имен (Табл. 2) и 17 моделей «фамилий» для «молдаван» (Табл. 3). Впрочем, отметим сразу: цыгане по набору моделей имен и «фамилий» ничем не отличались от «молдаван».

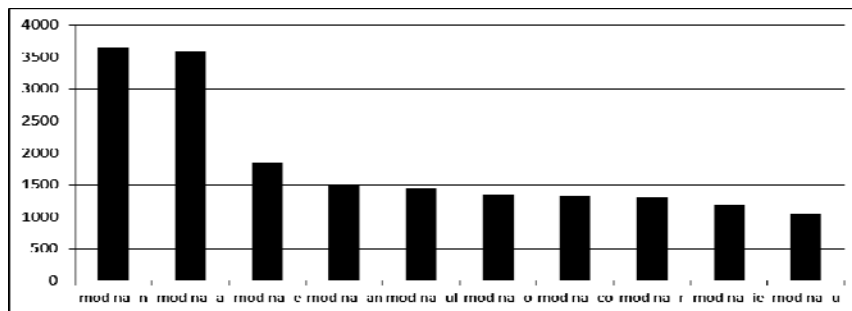
Табл. 2. Мужские антропонимические модели личных имен молдавских поземельных грамот

1.	-a	13.	-u	25.	-or
2.	-i	14.	-cu	26.	-ir
3.	-ai	15.	-ş	27.	-er
4.	-ei	16.	-n	28.	-v
5.	-ii	17.	-an	29.	-c
6.	-oi	18.	-in	30.	-g
7.	-ui	19.	-ţ	31.	-s
8.	-e	20.	-t	32.	-ac
9.	-ie	21.	-o	33.	-ic
10.	-oe	22.	-co	34.	-oc
11.	-ă	23.	-r	35.	-ca
12.	-ul	24.	-ar		

Табл. 3. Мужские антропонимические модели «фамилий» молдавских поземельных грамот

1. -ici	10. de la
2. -ești	11. al/al lui
3. -ul	12. -ș
4. -o	13. -ă
5. -co	14. -e
6. -schi	15. -c
7. -schii	16. -an
8. -a	17. cel
9. -u	

Далее, в качестве следующего шага количественного анализа, нами был составлен «Топ-10 моделей личных имен» (именуемый далее «Топ-10 моделей имен») для «молдаван». В него вошли (в порядке убывания популярности) следующие модели: на *-n*, на *-a*, на *-e*, на *-an*, на *-ul*, на *-o*, на *-co*, на *-r*, на *-ie* и на *-u* (Рис. 1).

Рис. 1. Топ-10 моделей личных имен «молдаван»

Итак, вырисовывающаяся тройка лидеров – это модели на *-n*, на *-a* и на *-e*.

Первые две модели – на *-n* и на *-a* – характеризуются чрезвычайной популярностью и резким, двойным отрывом по численности носителей даже от третьей по популярности модели. Количество носителей каждой из этих двух моделей составляет более 3500 человек (напомним: из общей суммы в чуть более 18 000 мужчин, упомянутых в молдавских поземельных грамотах и вошедших в нашу БД).

Все следующие за тройкой лидеров модели: на *-an* (она составляет частный случай модели на *-n*), на *-ul*, на *-o*, на *-co* (то есть частный случай модели на *-o*), на *-r*, на *-ie* (которая, в свою очередь, является частным случаем модели на *-e*) и на *-u* – демонстрируют плавное убывание популярности, в интервале от 1500 до 1000 количества носителей каждая.

Поскольку, помимо абсолютных значений популярности каждой антропонимической модели – количества их носителей, важное значение имеют и данные относительные, укажем, что модели, составившие «Топ-10 моделей личных имен» для «молдаван», включают в себя 50 % всех персонажей, вошедших в БД.

Остановившись отдельно на **модели на *-n*** и учитывая ее частные случаи – модели на *-an* и на *-in*, – обратим внимание: из 3500 носителей имен по модели на *-n* подавляющее большинство (81 %) представлены ее частным случаем – моделью на *-an*. Остальные 19 % составляет модель на *-in* (Рис. 2).

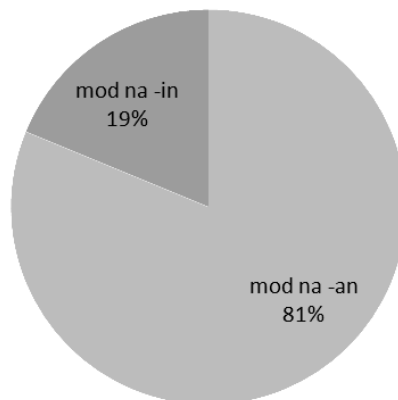

Рис. 2. Удельный вес моделей личных имен «молдаван» на *-an* и на *-in* (в модели на *-n*)

Третья по популярности модель – **на *-e*** (включающая в себя частные случаи – модели на *-ie* и на *-oe*), – представлена 1847 носителями. Из этого числа 98 % составляют носители имен на *-ie*, а остальные – на *-oe* (Рис. 3).

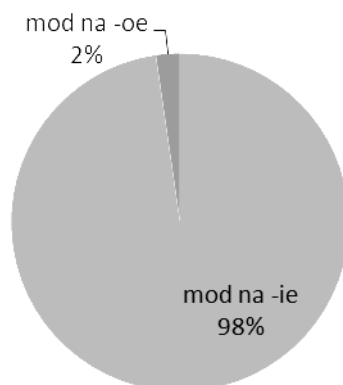

Рис. 3. Удельный вес моделей личных имен на *-oe* и на *-ie* для «молдаван»

Следующая модель, **модель на *-ul***, встречается как в личных именах, так и в «фамилиях». И надо учесть, что по своей сути эта модель использовалась именно для образования прозвищ, которые могли использоваться и как заместители личных имен, и как прозвища при именах, то есть потенциальные фамилии. Поэтому имеет смысл именно эту модель рассмотреть как порознь (в рамках категорий «личные имена» и «фамилии»), так и суммарно.

И если среди моделей имен она занимает четвертое место (Рис. 1), то среди моделей «фамилий» – она первая по популярности (Рис. 5).

Соответственно, если суммировать количество носителей имен и «фамилий», оформленных по модели на *-ul*, то оно составляет 2212 носителей. То есть в «абсолютной категории», без разбиения на имена и «фамилии», модель на *-ul* уверенно выбивается в тройку лидеров, замыкая ее.

Еще одна модель, на которой мы хотели бы остановиться подробнее, – **модель на *-r*** и ее частные случаи (модели на *-ar*, на *-er*, на *-ir* и на *-or*).

Как следует из нашего анализа, среди всех частных случаев модели на *-r* заметно лидирует модель на *-er* (692 из 1232 персонажей, имена которых образованы по модели на *-r*). Далее следует модель на *-or* – 396 носителей. Остальные две модели, на *-ar* и на *-ir*, имеют менее 100 носителей каждая.

При этом модель на *-er* представлена практически лишь одним именем – **Toader** (Тоадер), которое носили 685 персонажей (из, напомним, 692 моделей на *-er*, то есть почти 100 %). По отношению к модели на *-r* в целом это составит более 50 %.

Безусловно, такая популярность имени **Toader** весьма любопытна и заслуживает объяснения, на чем мы остановимся ниже.

Пока же в заключение этого этапа анализа обратим внимание, что модель, которая для нас важна в первую очередь, то есть модель на **-i**, или в латинской графике – на **-i**, как оказалось, была малопопулярна в средневековой Молдове. Количество носителей личных имен модели на **-i** едва достигает пятисот человек.

И, поскольку это может оказаться полезным для последующего анализа, отметим, что из ее частных случаев (моделей на **-ai**, на **-ei**, на **-ii**, на **-oi** и на **-ui**) самой популярной является модель на **-ei**, составляющая 54 % от общей суммы носителей модели на **-i** (Рис. 4).

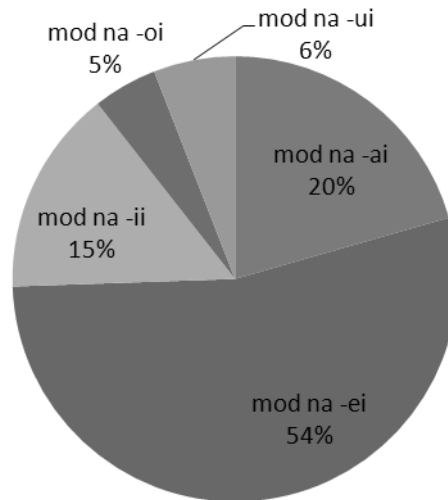

Рис. 4. Соотношение частных случаев модели личных имен на **-i** для «молдаван»

Закончив на этом с «Топ-10 моделей имен», аналогичным образом в качестве следующего шага анализа обратимся к «Топ-10 моделей «фамилий»» для «молдаван».

Итак, в «Топ-10 моделей «фамилий»» для «молдаван» вошли (в порядке убывания) следующие модели: на **-ul**, на **-a**, на **-ici**, на **-ă**, на **-u**, на **-an**, на **-e**, на **-o**, на **-c** и модель, начинающаяся с частички *cel* (Рис. 5).

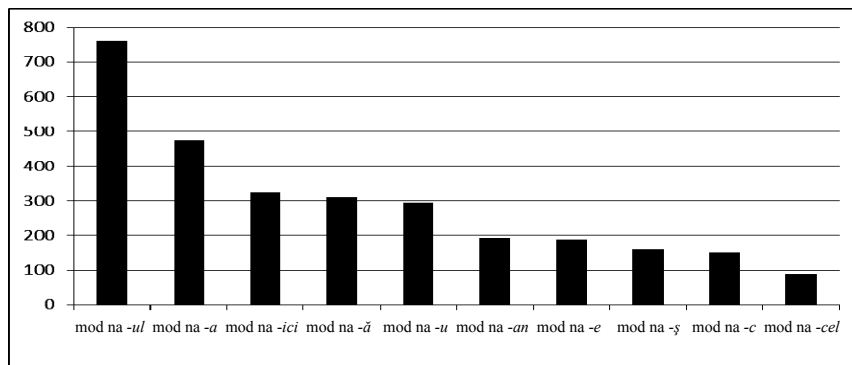

Рис. 5. Топ-10 моделей «фамилий» для «молдаван»

Как видим, первые две модели – на *-ul* и на *-a* – по своим абсолютным показателям популярности тоже резко отличаются от всех остальных. Модель на *-ul* почти достигает отметки в 800 носителей, модель на *-a* – в 500.

Особенно любопытно, что модель на *-a* и здесь занимает второе место.

Также примечательно, что третья, четвертая и пятая модели (на *-ici*, на *-ă*, на *-u*) очень близки по своей популярности друг к другу и колеблются у отметки в 300 носителей.

Замыкает десятку модель, начинающаяся с частички *cel* (*cel Bătrân* – «Старый», *cel Orb* – «Слепой» и т. п.), которая упоминается менее 100 раз.

Как и для моделей имен, среди моделей «фамилий» лидеры, вошедшие в «Топ-10», составляют показатель, близкий к половине (а именно – 47 %) от общего объема носителей «фамилий» среди «молдаван» (Рис. 6).

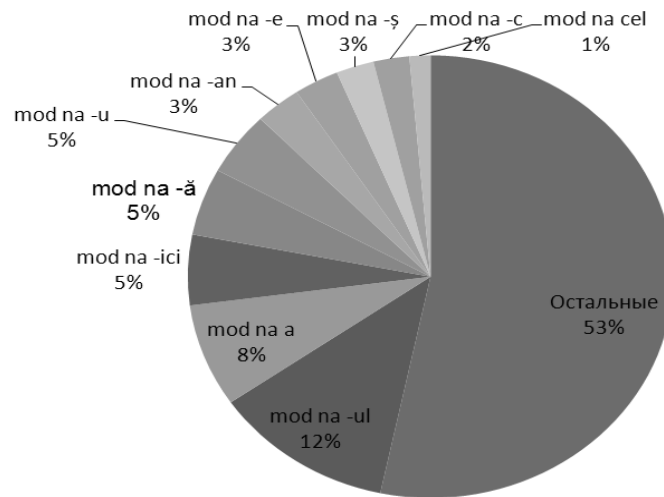

Рис. 6. Соотношение «Топ-10 моделей «фамилий»» молдаван к общему объему носителей «фамилий»

Абстрагировавшись далее от выделенных нами антропонимических моделей, очередным шагом контент-анализа мы избрали составление «Топ-10 личных имен» для «молдаван». В него вошли (в порядке убывания популярности) следующие имена: Ion (Ион), Toader (Тоадер), Ionașco (Ионашко), Vasilie (Василие), Gavril (Гаврил), Dumitru (Думитру), Simion (Симион), Toma (Тома), Gligorie (Глигорие) и Ștefan (Штефан) (Рис. 7).

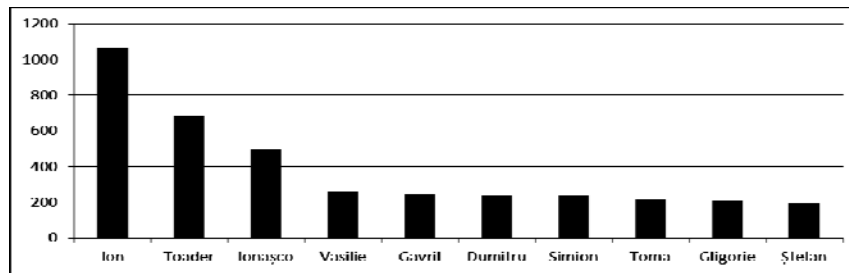

Рис. 7. Топ-10 личных имен «молдаван»

Первые три самых популярных имени среди «молдаван» – Ion, Toader и Ionașco – тоже резко количественно выделяются. Имя Ion упоминается более 1000 раз, имя Toader, как мы уже видели, – почти 700, а Ionașco (имя, заметим, производное от Ion) – более 400. Остальные же имена из «Топ-10», что примечательно, держатся примерно на одинаковом уровне популярности – на рубеже в 200 носителей.

В процентном соотношении тройка лидеров занимает почти 60 % от «Топ-10 имен»: Ion – 28 %, Toader – 18 %, Ionașco – 13 % (Рис. 8). По отношению же ко всему объему упомянутых носителей личных имен показатели скромнее – первая десятка личных имен «молдаван» составляет лишь 21 % от всего объема БД (Рис. 9).

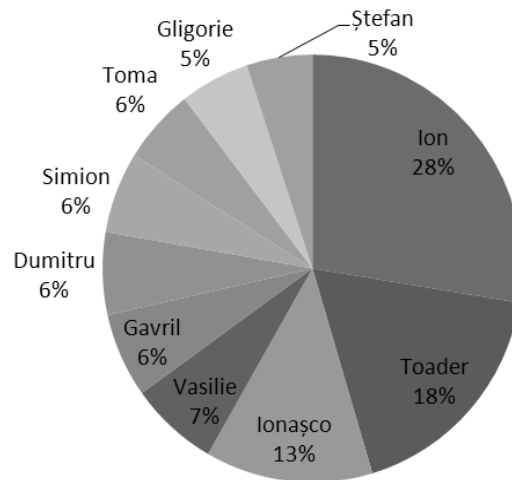

Рис. 8. Процентное соотношение внутри «Топ-10 личных имен» для «молдаван»

Поскольку имена Ion и Ionașco – это, как было отмечено выше, две формы одного и того же имени (Иоанн), то учтем и совокупную численность их носителей (имя Gavril, добавим, в таком случае с пятого места перемещается на четвертое). Она соответственно составляет 1556 человек. В случае же подсчета всех форм имени Ion мы получим 1831 носителя, что превышает численность носителей имени Toader, занимающего второе место, уже в три раза.

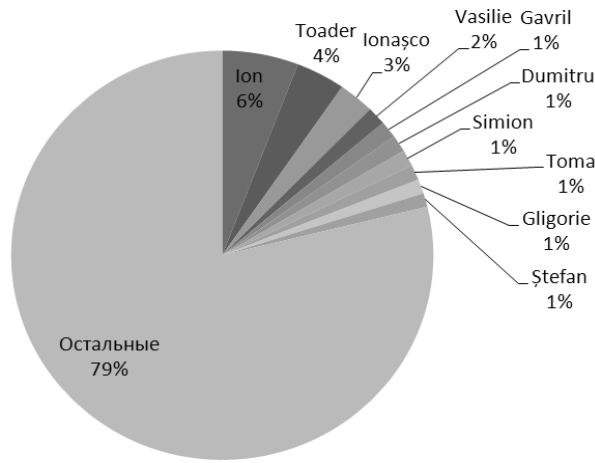

Рис. 9. Соотношение «Топ-10 личных имен «молдаван»» к общему объему БД

Следующим шагом количественного анализа стало составление «Топ-11 «фамилий»» («Топ-11» – так как последние три «фамилии» [Rugină, Popovici, Negru] имели одинаковое количество упоминаний по десять) для «молдаван», в которую вошли следующие «фамилии» в порядке убывания: cel Bătrân, Drăghici, Roșca, Grecul, Turcul, Ciolpan, Bătrânul, Moțoc, Rugină, Popovici, Negru (Рис. 10).

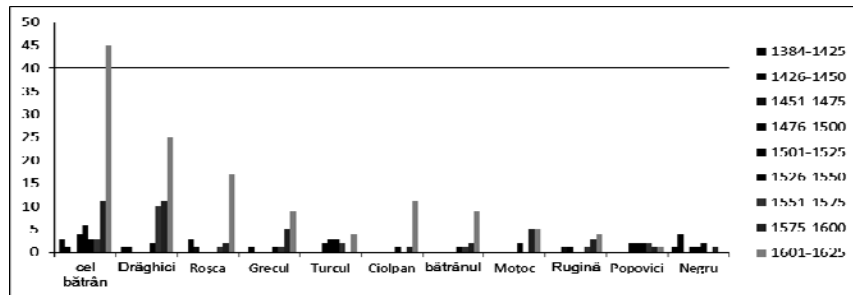

Рис. 10. «Топ-11 «фамилий»» «молдаван»

Любопытно, что наиболее популярной «фамилией» оказалась cel Bătrân – то есть образованная по модели, замыкающей десятку лидеров моделей «фамилий» для «молдаван».

В процентном отношении тройка лидеров опять-таки «забирает» 60 % из общего количества персонажей, составивших «Топ-11», причем доля «фамилии» cel Bătrân составляет 30 %.

Таковы в самом общем виде результаты нашего контент-анализа для «молдаван». И прежде чем приступить к их интерпретации, скажем также несколько слов по поводу цыган, упомянутых в поземельных грамотах, хотя обстоятельное рассмотрение их антропонимикона требует отдельного исследования.

2.2. Антропонимические модели «фамилий» и личных имен цыган

Как отмечено выше, мы, хоть это было и несколько избыточно с точки зрения стоящих перед нами задач, привлекли к анализу и данные по цыганам, упомянутым в молдавских поземельных грамотах. Выборочно обращаясь к результатам нашего анализа, приведем «Топ-10 моделей личных имен» и для цыган.

Итак, в него вошли (в порядке убывания популярности) следующие модели: на *-a*, на *-n*, на *-ul*, на *-an*, на *-e*, на *-ca*, на *-u*, на *-o*, на *-r* и на *-co* (Рис. 11).

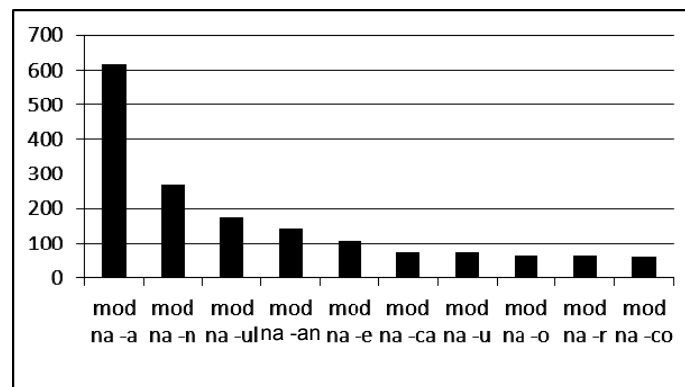

Рис. 11. «Топ-10 моделей личных имен» для цыган

Как видим, здесь модель на *-a* опережает даже модель на *-n*.

Модель на *-a* представлена 446 носителями, что составляет 31,72 % от общего количества цыган – носителей имен. Находящаяся на втором месте модель на *-n* представлена 267 носителями, или 18,99 %. Модель на *-ul* – 175 носителями, или 12,44 %. На четвертом месте находится модель на *-an*: 143 носителя, или 10,17 %.

Все остальные модели: на *-e*, на *-ca*, на *-u*, на *-o*, на *-r* и на *-co* – представлены количеством в менее 100 носителей.

«Топ-10 моделей «фамилий» для цыган также демонстрирует отличия от аналогичного топа для «молдаван».

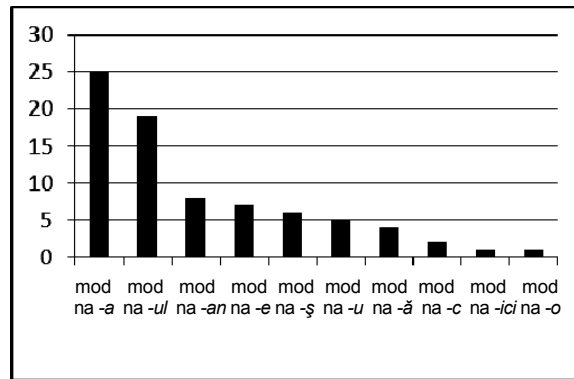

Рис. 12. «Топ-10 моделей «фамилий» для «цыган»

В нее вошли (в порядке убывания) следующие модели: на *-a*, на *-ul*, на *-an*, на *-e*, на *-s*, на *-u*, на *-a*, на *-c*, на *-ici*, на *-o* (Рис. 12).

Как видим, и здесь, как среди моделей имен, модель на *-a* лидирует. Вероятно, можно говорить об ее особой предпочтительности для цыган.

Впрочем, количество носителей каждой модели «фамилий» цыган слишком мало, чтобы говорить о статистической значимости результатов. Даже лидирующая модель на *-a* представлена всего лишь 25 носителями. Модель на *-ul* представлена 19 носителями. Количество же представителей остальных моделей колеблется от 8 до 1 носителя.

Таким образом, самым любопытным результатом здесь является выявившийся приоритет модели на *-a* среди цыган, причем как среди личных имен, так и среди «фамилий».

2.3. Динамика популярности основных антропонимических моделей и наиболее популярных антропонимов: некоторые закономерности

В результате количественного анализа был обнаружен еще ряд закономерностей, касающихся количественной динамики антропонимических моделей, а также отдельных, наиболее популярных имен и «фамилий».

Начнем с того, что заслуживает внимания динамика популярности моделей личных имен на *-n*, на *-an* и на *-in* для «молдаван» (Рис. 13). Как видим, все три модели демонстрируют тенденцию возрастания их популярности с течением времени – и резкий всплеск, фактически экспоненциальный рост, к концу рассматриваемого периода. Особенно этот рост заметен для метамодели – модели на *-n*, что обусловлено, по всей видимости, резким прибавлением в популярности модели на *-in*, до этого демонстрировавшей стабильно низкие показатели.

Надо также заметить, что наблюдается цикличность динамики модели на *-an* (и соответственно на *-n*), характеризующаяся чередованием подъемов и спадов популярности через поколение (25 лет): I цикл – 1384–1425 гг. (начало подъема), 1426–1450 гг. (пик популярности), 1451–1475 гг. (спад до практически первоначальных показателей); II цикл – 1476–1500 гг. (новый подъем), 1501–1525 гг. (снова спад); III цикл – 1526–1550 гг. (новый подъем), 1551–1575 гг. (снова спад). А далее начинается резкое, экспоненциальное возрастание популярности модели к началу XVII в. (не исключено, что это начало IV цикла).

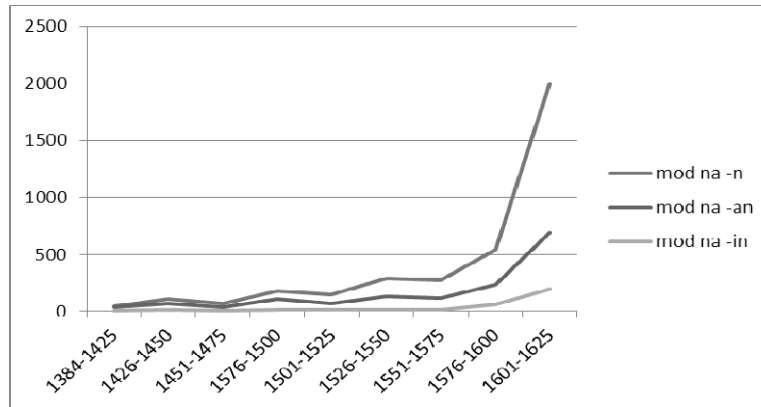

Рис. 13. Динамика популярности моделей личных имен на *-n*, *-an* и *-in*

Похожую динамику демонстрирует и ряд других антропонимических моделей личных имен для «молдаван», в частности модель на *-e* (с ее частными случаями) (Рис. 14).

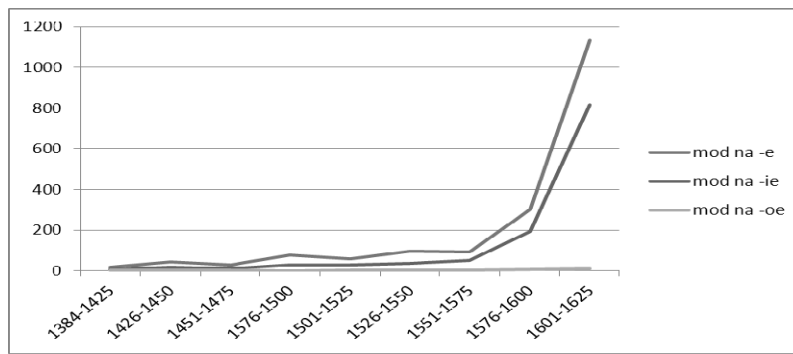

Рис. 14. Динамика популярности модели личных имен на -е и ее частных случаев (для «молдаван»)

Еще резче выражена эта закономерность в динамике модели личных имен на -г для «молдаван» (Рис. 15).

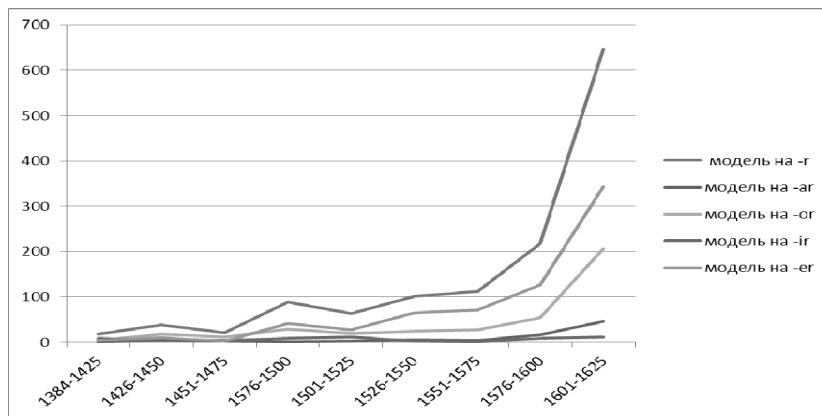

Рис. 15. Динамика популярности модели личных имен на -г (и ее частных случаев для «молдаван»)

Равно как и в динамике моделей личных имен на -и (ее частный случай – модель на -си) и на -ул (Рис. 16).

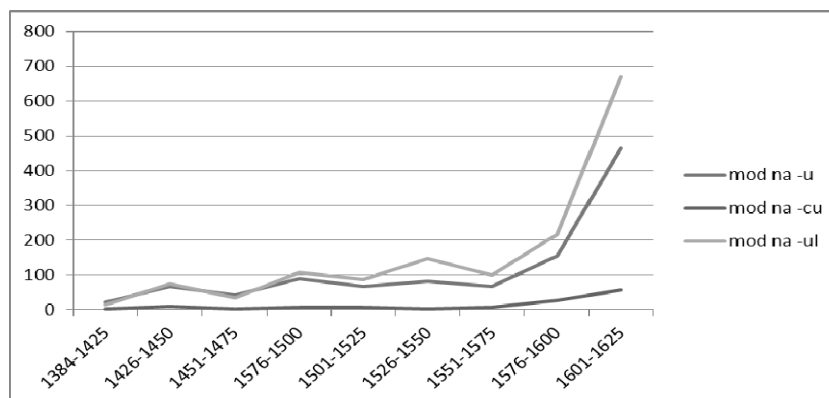

Рис. 16. Динамика популярности моделей личных имен на *-u*, на *-ul* и на *-cu* для «молдаван»

И, наконец, модель на *-ă* (Рис. 17).

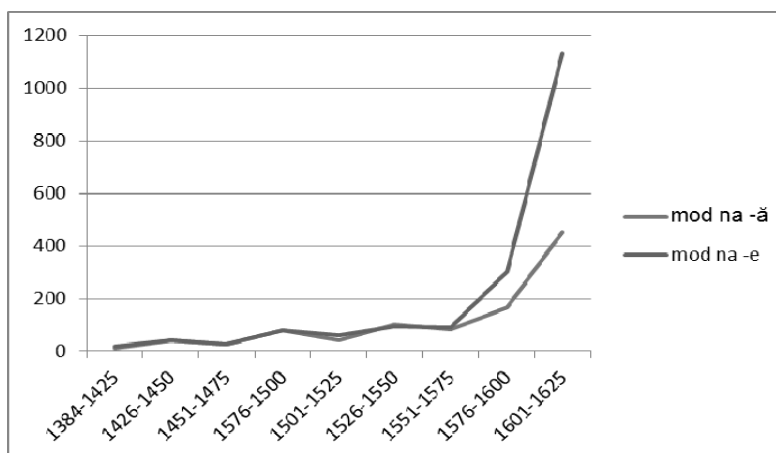

Рис. 17. Сравнительная динамика моделей личных имен на *-ă* и на *-e* для «молдаван»

Любопытно, что динамика многих моделей личных имен цыган (Рис. 18) тоже демонстрирует цикличность, и цикличность эта, при всем своеобразии, в значительной мере близка вышеописанной для «молдаван».

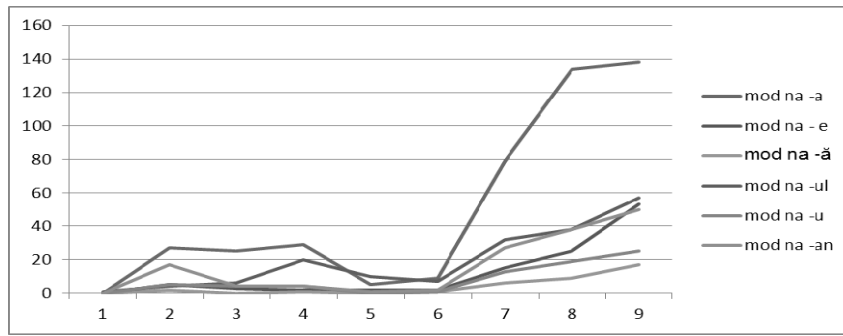

Рис. 18. Динамика некоторых моделей личных имен цыган

Наконец, что касается наиболее интересующей нас модели – модели личных имен на *-i* (и ее частных случаев) для «молдаван», то ее динамика (Рис. 19) лишь частично повторяет вышеописанную закономерность. Общим фактически является экспоненциальный рост в конце рассматриваемого периода (его особенно демонстрирует модель на *-ei*).

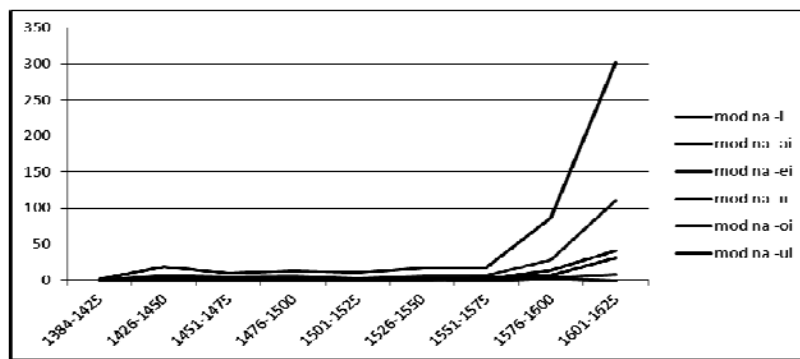

Рис. 19. Динамика популярности модели личных имен на *-i* (и ее частных случаев для «молдаван»)

Итак, вот основные результаты нашего количественного анализа. Приступим теперь к интерпретации.

3. Антропонимическая модель на *-й* в кругу антропонимических моделей средневековой Молдовы

Как мы отметили вначале, наиболее интересующей нас антропонимической моделью явилась модель на *-й*. Именно по поводу этой модели, а прежде всего и в первую очередь – ее частного случая, модели на *-ай*, была высказана гипотеза об их корреляции с савирами и волохами (Роман-

чук 2010; Романчук, Цвигун 2013а; 2013б; Romanchuk, Tsvigun 2013). Отправной точкой в формулировке гипотезы стало то, что зона повышенной популярности украинских фамилий на *-ай* на Левобережье Днепра (с максимумом в Сумской области Украины, в бывшей Северной земле), как оказалось, продолжается и далее на восток, в Центральном Черноземье.

В свою очередь, модель на *-й*, по всей видимости, особенно популярна в историческом русском ареале. И, видимо, прежде всего в определенных его зонах – Костромской и Тверской областях, районе Великих Лук, а также «островами» – в Центральном Черноземье¹.

¹ Поскольку в нашем распоряжении для белорусского и украинского ареалов, а также ареалов прочих славянских народов не было источников того же качества, что и для исторического русского ареала, то мы не могли поставить вопрос о том, насколько по популярности модели на *-й* русский ареал отличается от прочих славянских. Но, как нам представляется, полученные результаты уже заставляют предположить, что повышенная популярность модели на *-й* отличает именно русский ареал. Окончательный ответ на это вопрос, однако, – дело дальнейших исследований.

Вместе с тем хотелось бы здесь очень кратко коснуться тех данных, которые Ю. И. Редько приводит по поводу распространения в украинском ареале модели на *-ий/-iй* (Редько 1966: 202).

Речь, к сожалению, идет о количестве фамилий, а не их носителей, поэтому, как очевидно, их нельзя непосредственно сопоставлять с имеющимися по историческому русскому ареалу (для которого у нас имеются данные как раз по количеству носителей – что, безусловно, намного предпочтительнее и точнее отражает ситуацию). Вспомним хотя бы вышеописанный пример с именем Тоадер, которое одно составило 99 % носителей модели на *-er* и 50 % модели на *-r*, при этом заняло второе место (18 %) в «Топ-10 личных имен» для «молдаван».

Но, держа в уме это обстоятельство, любопытно отметить, что количество фамилий на *-ий* (реже *-iй*) в украинском ареале варьирует по разным регионам в очень широком диапазоне: от 6,5 % до менее 1 %. И пространственное распределение популярности этой модели в украинском ареале рисует опять-таки весьма любопытную закономерность.

Приведем эти данные.

Итак, наиболее популярна модель на *-ий* в Луганской и Днепропетровской (по 6,5 %), а также Донецкой (5,4 %) областях, где она к тому же занимает третье место по популярности (!). На четвертом месте по популярности она в Полтавской области (5,2 %), на пятом – в Сумской (5,1 %), Черниговской (4,7 %), Киевской (6 %) и Запорожской (4,5 %). На шестом месте модель на *-ий* в Харьковской области (4,2 %).

Как видим, максимум популярности модели на *-ий* зафиксирован тоже на Левобережье Днепра (!). К западу, югу и особенно северо-западу от Левобережья Днепра популярность модели на *-ий* убывает, хоть и не так резко, как это демонстрировала модель на *-ай*.

Так, на четвертом же месте модель на *-ий* в Тернопольской (5,8 %), Хмельницкой (4 %), Кировоградской (6,4 %), Черкасской (5,4 %) областях. На пятом месте она в Винницкой области (6 %), на шестом – в Крымской (5,1 %) и Черновицкой (4,5 %) областях. На седьмом месте – в Житомирской (3,5 %), Херсонской (3,6 %) и Николаевской (2,8 %). Восьмое место модель на *-ий* занимает в Ивано-Франковской (3,2 %), Одесской (3,7 %) и Ровенской (2 %) областях. На девятом она во Львовской (3,2 %) области.

И, наконец, меньше всего распространена модель на *-ий* в Волынской (1,2 %) и Закарпатской (0,95 %) областях.

Таким образом, данные Ю. И. Редько, подтверждая полученные нами ранее выводы (Романчук 2010; Romanchuk, Tsvigun 2013), резко выделяют в украинском ареале по попу-

Однако, как было показано в предыдущем параграфе, в молдавских поземельных грамотах модель на *-й* представлена достаточно слабо. Она не вошла ни в «Топ-10 моделей личных имен», ни в «Топ-10 моделей «фамилий»».

Поэтому, разумеется, возникает вопрос: а как эта чрезвычайно низкая популярность модели на *-й* в средневековой Молдове согласуется с нашей гипотезой о связи этой модели именно с волохами и савирами?

Пытаясь ответить на этот вопрос и опираясь на результаты нашего контент-анализа, мы предположили, что в средневековой Молдове имела место трансформация модели на *-й* в модель на *-ие/е*.

И действительно, крупнейшие специалисты в изучении молдавской антропонимии А. Еремия и М. Косничану обращают внимание на следующий момент: «Много старых календарных имен <...> проникло в молдавский язык через посредство славянских языков. Эти имена подверглись двойной модификации: первый раз – в славянских языках, второй – в молдавском. Например, греко-латинские окончания *-os, -us, -ios, -ius* были переданы славянами через *-й* и *-ий*: *Nicolaos* – Николай, *Antonius* – Антоний» (Еремия, Косничану 1974: 30).

Наблюдение это, как видим, согласуется с нашими более ранними результатами и выводами.

Но далее эти исследователи делают еще одно, куда более важное заключение: «Специфическим явлением адаптации этих имен к нормам молдавского языка является переход славянского окончания *-ий* в *-ие*, а в некоторых случаях – *-ие* в *-е*: Аркадий – Аркадие, Василий – Василие – Василе, Георгий – Георгие – Георге, Григорий – Григорие – Григоре» (Там же).

Таким образом, наше предположение подтвердилось: в молдавском антропонимиконе модель на *-й* действительно была замещена альтернативными моделями, а именно моделями на *-ие* и *-е* (!). Соответственно низкая популярность самой модели на *-й* в средневековой Молдове не противоречит нашей гипотезе.

Правда, А. Еремия и М. Косничану предполагают, что в данном случае обязательно имело место славянское посредничество, а не то, что ранее для волохов была характерна модель на *-й*, которую они в силу определенных причин позднее трансформировали в модель на *-е*. Однако на самом деле такое объяснение исходит из презумпции, что у самих волохов модель на *-й* изначально отсутствовала. Презумпция эта, однако, априорна, и более того – она входит в противоречие с тем фактом, что модель на

лярности и модели на *-ий* – именно Левобережье Днепра. И, с другой стороны, выделяют «провал популярности» этой модели на Волыни, по убывающей – с востока на запад (в порядке убывания: Житомирская, Ровенская, Волынская области), и в прилегающей к ней Львовщине, а также в Закарпатье.

-e широко проявляется в молдавском антропонимиконе не только в календарных именах, но и в именах-прозвищах.

Опираясь теперь на установленный факт превращения модели на *-й* в модель на *-e*, снова обратимся к результатам количественного анализа нашей БД.

Итак, напомним, что модель на *-ie (-ue)* вошла в «Топ-10 моделей личных имен», заняв девятое место. И общее количество носителей имен, образованных по этой модели, достигает отметки в 1188 носителей, или 6,5 % от общего количества персонажей в БД.

Но модель на *-e*, являющаяся метамоделью для модели на *-ie (-ue)*, оказалась еще популярнее. Она вошла в «Топ-10 моделей личных имен», заняв третье место. Общая сумма носителей личных имен, образованных по этой модели, достигает отметки в 1847 человек – 10,17 % от общего количества персонажей в БД.

Кроме того, надо заметить, она вошла и в «Топ-10 моделей “фамилий”», заняв в нем седьмое место. Впрочем, в абсолютных цифрах это не дает существенного прибавления, поэтому просто отметим данный факт.

Таким образом, мы можем сказать, что модель на *-e*, представляющая собой результат эволюции модели на *-й*, в средневековой Молдове была весьма популярной, войдя в тройку лидирующих антропонимических моделей.

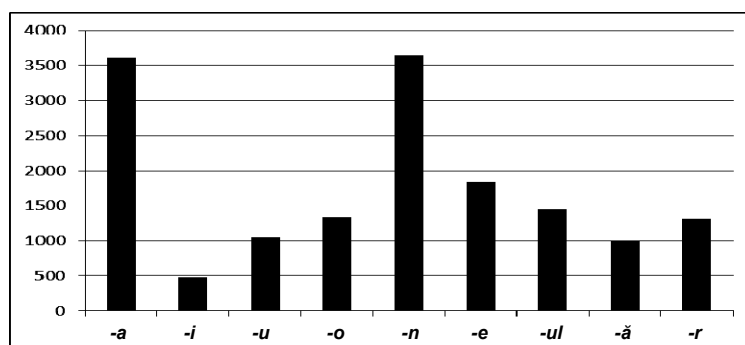

Рис. 20. Модель на *-ă* в контексте наиболее популярных моделей личных имен для «молдаван»

Но на самом деле в контексте этого вопроса необходимо рассматривать еще одну модель – модель на *-ă* (в русской транслитерации – /э/). В пользу этого склоняют как фонетические соображения (/e/ здесь – фактически /э/ после мягких согласных), так и грамматические (для восточнороманских языков флексии *-ă* и *-e* существительных семантически тождественны, выражая женский род).

То есть мы должны говорить о метамодели на *-ǎ/-e*.

Соответственно с учетом и носителей имен на *-ǎ* (Рис. 20), количество носителей личных имен, сформированных по метамодели на *-ǎ/-e*, поднимается до отметки в 2849 человек, что равно 15,69 % от количества персонажей в БД. То есть учет и модели *-ǎ* существенно повлиял на суммарную популярность интересующих нас в этом вопросе антропонимических моделей средневековой Молдовы.

Правда, даже метамодель на *-ǎ/-e* по своим показателям не поднимается в «Топ-10 моделей личных имен» выше третьего места: модели на *-n* и *-a* составляют все же каждая по 20 % всех носителей личных имен в БД. Тем не менее лидеров, как видим, метамодель на *-ǎ/-e* уже почти догоняет².

Вопрос о причинах трансформации модели на *-ǎ* в модель на *-e* требует отдельного исследования. Однако если иметь в виду гипотезу А. Еремия и М. Косничану о том, что в данном случае восточные романцы переосмысливают славянское влияние, то нельзя не отметить, что модель на *-e* весьма популярна у южных славян, в частности у болгар (Илчев 2012: 9–21).

То есть можно предположить, что волохи трансформировали либо восточнославянскую (как считают А. Еремия и М. Косничану), либо свою собственную (как склонны считать мы) модель на *-ǎ* – именно под южнославянским влиянием и в соответствии с южнославянской антропонимической традицией.

Впрочем, это вопрос дальнейших исследований. Здесь же мы хотели бы обратить внимание еще на один интересный аспект проблемы, а именно: если мы теперь посмотрим на восточнороманские заимствования существительных из славянских языков, оформленные флексией *-ǎ/-e*, то увидим, что исходные славянские существительные имеют флексию *-a* (!).

Так, старославянское *кръпа* («тряпка») дало в молдавском языке *кырпэ* с тем же значением. Южнославянское *кртица* («крот») дало в молдавском *кыртицэ* (Раевский, Габинский 1978: 222). А русское *бричка* дало молдавское *бришкэ* (Там же: 59).

Впрочем, и не только славянские заимствования отражают эту закономерность восточнороманских идиом. Например, латинское *bissa* («рот») дало молдавское *букэ* (Там же: 62).

Однако суть дела здесь не ограничивается вышеотмеченной фонетической закономерностью.

² Кроме того, стоит учесть, что модель на *-ǎ* попадает и в «Топ-10 моделей «фамилий» для «молдаван», причем занимая в нем третье место, или 9,2 % от общего количества носителей «фамилий».

В свете этого факта мы должны сделать небольшое отступление и поговорить об еще одном лидере молдавского антропонимикона, а именно модели на *-a*, но в историческом русском ареале.

Антропонимическая модель на *-a* в историческом русском ареале привлекает наше внимание рядом обстоятельств (Романчук 2014: прим. 1).

Как указывает А. А. Зализняк, мы видим «уже в ранне-др.-новг. период» и все более усиливающуюся позже тенденцию движения многих групп древненовгородских антропонимов «от первоначального мужского морф. рода в сторону женского» (Зализняк 2004: 209). И он предлагает связать это явление с «более общей тенденцией русского языка к тому, чтобы наименования лиц, включающие аффективный элемент, оформлялись по женскому морфологическому роду...» (Там же: 211).

Между тем, как мы видели выше, славянская флексия *-a* в данном случае семантически тождественна восточнороманским флексиям *-ie/-e/-ă*. Флексии существительных *-ie/-e/-ă* (напомним) выражают в восточно-романских языках женский род (!).

Таким образом, молдавские мужские антропонимы на *-ie/-e/-ă* выражают ту же тенденцию к оформлению мужских антропонимов по женскому морфологическому роду, что и восточнославянская модель на *-a* (!). И это не только еще одна параллель между славянским и волошским антропонимиконами, но и основание для нас рассматривать данные количественного анализа нашей БД по моделям на *-a* и *-e*, в том числе и суммарно, и видеть за ними отражение одной и той же закономерности.

С учетом этого рассмотрим модель на *-ă/-e* в совокупности с моделью на *-a*. И для начала напомним, что для «молдаван» модель на *-a* занимает второе место в «Топ-10 моделей личных имен» – 19,87 % и второе же место в «Топ-10 моделей “фамилий”» – 16 %.

Итак, если суммировать показатели моделей на *-ă*, на *-e* и на *-a*, то мы получим абсолютного лидера как для личных имен, так и для фамилий среди «молдаван»: для имен – 6430 носителя, или 35,41 % от всей совокупности людей, включенных в БД, и для «фамилий» – 974 носителя (соответственно 28,96 % от общего количества носителей «фамилий»)³.

Поэтому, на наш взгляд, параметр «тенденция к оформлению мужских антропонимов по женскому морфологическому роду» может дать очень много для дальнейшего анализа и интерпретации, имея в виду прежде всего указанную выше его чрезвычайную выраженность (35,4 %) в антропонимиконе средневековой Молдовы. Но это уже задача отдельной работы.

³ Не будем здесь привлекать данные по молдавским цыганам, хотя, как помним, для них модель на *-a* – безусловно приоритетная в обеих категориях, как «личных имен», так и «фамилий». И, поскольку молдавские цыгане очевидно подстраивают свой антропонимикон под местные антропонимические традиции, это наблюдение тоже весьма значимо.

Пока же, оставляя его в стороне, отметим, что на самом деле вопрос о модели на *-a* в историческом русском ареале и вообще восточнославянском, а также коррелирующей с историческим русским ареалом аналогично высокой ее популярности в средневековой Молдове – еще более любопытен, чем следует из вышеизложенного. Имея в виду, что русские диминутивы (Ваня, Коля, Гриша, Петя, Сережа) образованы именно по модели на *-a* и в бытовом общении люди используют именно эти диминутивы, можно говорить о тотальном превосходстве модели на *-a* в русском историческом ареале. Или, по крайней мере, его большей части – за исключением тех регионов, где, по нашим данным, выявилась повышенная популярность модели на *-й*, поскольку, надо думать, в этих регионах и диминутивы образовывались в значительной мере по модели на *-й*. Во всяком случае, такие диминутивы в русском ареале фиксируются: Ваняй, Иванай, Митяй, Гришай, Коляй и т. п.

При этом в украинском ареале модель на *-a* хоть и распространена достаточно широко, но все же, видимо, заметно уступает в этом отношении русскому ареалу. Хотя этот вопрос тоже требует отдельного исследования, все же отметим, что, например, для антропонимических суффиксов *-ко/-ка* (чрезвычайно популярных в украинском антропонимиконе), по данным Ю. И. Редько, наблюдается следующее соотношение: 2/3 составляет суффикс *-ко*, и лишь 1/3 – суффикс *-ка* (Редько 1966: 140).

Нельзя не вспомнить здесь и о том, что, например, русскому «Петр» соответствует украинское «Петро».

Кстати, и А. А. Зализняк указывает, что в новгородских землях резкий рост популярности модели на *-a* наблюдается с XV в. И при этом, помимо вариантов, когда, например, от имени Тимофей образуется имя Тимоха (то есть модель на *-й* заменяется моделью на *-a*), идет и просто трансформация модели на *-o* в модель на *-a*: Демко – в Демка, Тимошко – в Тимошка и т. д. (Зализняк 2004: 210–211).

Таким образом, пока сугубо предварительно, но все же можно говорить, что в Восточной Европе, в восточнославянском и восточнороманском ареалах, обнаруживаются две зоны повышенной популярности модели на *-a*. Это, во-первых, собственно исторический русский ареал (а точнее, в первую очередь определенные его зоны, в той или иной мере отличные от зон популярности модели на *-й*) и, во-вторых, территория средневековой Молдовы.

Между этими же территориально значительно удаленными друг от друга регионами располагается, по всей видимости, ареал, где модель на *-a* хоть и представлена, но все же заметно менее популярна.

К этому стоит добавить, что для южных славян характерно формирование гипокористиков по модели на *-o*: болгарское «Гото» – от «Георгий» (Еремия 1970: 82), сербское «Бато» – от «Благое».

Вообще для болгар «Мъжките имена в най-голямата си част завършват на **-о**, **-ьо**, **-йо**, сетне на съгласна, по-рядко на **-е** и още по-рядко на друга гласна или на **-й** (**-ай**, **-ей**, **-ий**, **-ой**, **-уй**)» (Илчев 2012: 20). То есть резко доминирующая для болгар модель мужских антропонимов – именно модель на **-о** (!). Модель на **-е** встречается реже, и еще реже модель на другие гласные или на **-й**.

Как видим, о модели на **-а** речь здесь даже не идет.

Кроме того, болгарские «имената на съгласна, на **-ай**, **-ей**, **-ой** получават допълнително окончание **-чо**, по-рядко **-ко**» (Там же: 21). То есть и здесь тенденция к экспансии модели на **-о** ярко выражена.

В нашем распоряжении пока нет аналогичных данных по другим южным славянам, но мы склонны предполагать, что в этом отношении они не будут существенно отличаться от болгар.

Иными словами, судя по имеющемуся данным, резко выраженной популярностью модели на **-а** средневековая Молдова заметно отличается как от своих ближайших восточнославянских соседей – украинцев, так и еще более от южнославянских – болгар, зато резко сближается с историческим русским ареалом и, видимо, в первую очередь с регионом Северо-Запада.

Чем же обусловлены эти заметные параллели в повышенной популярности модели на **-а** в историческом русском ареале и средневековой Молдове? Вопрос этот выходит за рамки нашего исследования, но, тем не менее, все же отметим, что, возможно, решение следует искать в контексте тех параллелей, которые наметил А. А. Романчук между булаештским и гуцульским говорями, с одной стороны, и древненовгородским диалектом – с другой (Романчук 2014).

В контексте рассуждений А. А. Романчука по этому поводу (Романчук 2014), считаем уместным отметить, что в некоторых западных регионах Болгарии модель на **-а** тоже была ранее заметно популярна: «Срещу имена с крайно **-о** в някои западни области (Берковско, Царибродско, Трънско, Софийско) и нарядко другаде из страната още е живо по-старото окончание **-а** или **-я** (Ваца, Гаца, Гига, Ига, Пея, Цола, Цона)» (Илчев 2012: 21).

Впрочем, остановимся на этом. И скажем несколько слов по поводу еще одной весьма любопытной модели молдавского антропонимикона – модели на **-ул**.

В предыдущем параграфе мы заметили количественное превосходство антропонимов, образованных по модели на **-ул**, над антропонимами, образованными по модели на **-л**. Фактически это означает, что артикулированные антропонимы – Ursul, Lupul – превосходят в численности неартикулированные – Ursu, Luru.

Между тем считается, что «артикулирование антропонимов относится к древнему периоду» румынского/молдавского языка (Еремия, Косничану 1974: 37). Также предполагают, что «начиная с XVII в., артикль *-l* исчезает из разговорного языка, передав свои функции гласному *-y*» (Там же). Артикль *-y* берет на себя функции артикля *-l*. Согласно А. Еремии и М. Косничану, упразднение *-l* «имело место сначала у апеллятивов (ому, сагу), а потом распространилось на антропонимы» (Там же).

Надо заметить, что период XVI–XVII вв., когда, по их мнению, стал упраздняться артикль *-l*, соответствует их же третьему периоду формирования молдавского антропонимикона. Этот третий период характеризуется пополнением молдавского антропонимикона греко-славянскими именами. Учитывая этот момент, тенденцию упразднения артикля *-l* мы могли бы объяснить законом открытого слога, действующим в славянских языках.

Но выводам А. Еремии и М. Косничану противоречат данные о динамике моделей на *-ul* и на *-i*, полученные нами в ходе анализа БД и изложенные в предыдущем параграфе. Напомним: до пятого периода модели на *-ul* и *-l* характеризовались одинаковой циклической динамикой, но после пятого периода модель на *-i*, наоборот (!), начинает уступать модели на *-ul*, хотя обе и сохраняют тенденцию к росту.

Таким образом, хотя, действительно, в восточнороманских идиомах «антропонимы с артиклем *-l* являются архаизмами и не соответствуют современной лингвистической действительности» (Еремия, Косничану 1974: 38), но вопрос о времени, с которого начинает действовать «упразднение *-l*», необходимо пересмотреть.

Перейдем далее к еще некоторым любопытным моделям, а именно: в ходе контент-анализа выявился ряд моделей, образующих исключительную «фамилию», то есть собственно фамилии, или прозвища и патронимы, которые в потенциале могли бы превратиться в фамилии.

Особенно любопытна среди них модель на *-ești* (то есть в кириллической графике – *-еишь*).

Эта модель обычно воспринимается исследователями как ойконимическая. Однако, как следует из данных А. Гонцы, она действовала и в молдавской антропонимии.

Каково же происхождение восточнороманского суффикса *-еишь*?

По всей видимости, можно предположить его происхождение от праславянского суффикса *-isko//išče*. Но не вообще от него, а конкретно от его сербохорватской формы.

Процитируем: «Найбільш уживаними в слов'янських мовах стали такі форманти: *-isko//išče* (с.-х. *-иште*, ч. *iště*) – з численними похідними: – *bišče*, *-lišče/-lisko*, *nišče/-nisko*, – *ovišče/-ovisko*, *-czysko* – збіриг на протязі історичного періоду продуктивність лише у словенській і сербо-хорватській»

скій мовах, але выступає у великій кількості утворень, – з первинним варіантом – *isko* (-sko) переважно західнослов'янських мовах (частково лише у чеській та кашубських говорах) і західноукраїнських діалектах, а як – *išće* – у східно- та південнослов'янських мовах, виступаючи, однак, і в західнослов'янських (у чеській – з диференціацією значень)...» (Мельничук 1966: 147).

То, що восточнороманський формант *-eить* походить саме від сербохорватського *-иште* – факт дуже примічальний і важливий. Тому що якщо в антропонимії середньовікової Молдови ця модель «фамілій» не була особливо популярною (она представлена 52 носителями, що становить 3,69 % від загального числа носіїв молдавських «фамілій»; із всіх виділених нами моделей «фамілій» ця модель найменш численна), то в молдавській ойконимії формант *-eить* – один із найпопулярніших, причому саме в її ранній, другій пласті (за Л. Л. Полевою) (1985: 16–30).

Саме таке сильне сербохорватське вплив на волохів стало можливо лише завдяки тому, що в певний момент своєї історії вони були тісно пов'язані саме з сербохорватською зоною (в цій зв'язі см.: Романчук, Кроитор 2012).

К южнославянській зоні адресує нас ще один факт: абсолютна домінація в молдавській антропонимії, причому як серед «фамілій», так і серед особистих імен, моделі на *-n* (в першу чергу її частини випадку – моделі на *-an*).

Дело в тому, що саме модель на *-n*, хоч і не є взагалі домінуючою в болгарській антропонимії, різко лідирує серед болгарських імен, що закінчуються на голосні: «При імені з крайнім приголосним найчастіше зустрічаються **н** (близько 42%), **л** (близько 18%), **р** (близько 11%), **ш** (близько 6,5 %)» (Илчев 2012: 20).

Втім, помітно виражена модель на *-n*, в першу чергу на *-an*, і в українському ареалі: «суфікс *-an* до сих пор продуктивний. З його допомогою утворено 224 імені, або 2,43 %» (Редько 1966: 111). За думкою Ю. І. Редько, суфікс *-an* «несє відтєнок патронімічності».

Але все ж, як бачимо, популярність цієї моделі в українському ареалі не йде ні в яке порівняння з її популярністю в болгарському.

Висновок нашого аналізу перейдемо від моделей імен і «фамілій» до деяких найбільш цікавих власне імен і «фамілій».

Почнемо з того, що дуже цікавим нам здається наступний факт: в «Топ-10 особистих імен» для «молдаван» увійшли імена Ion, Ionaşco і Gavril, але не увійшло ім'я Mihail.

Проблемність ситуації стає очевидною, якщо подивитися на неї в контексті даних про святих – покровителів церкви середньовікової Молдови (Романчук, Кроитор 2012).

Так, популярность имени Ion и его производного – диминутива Ionășco может быть объяснима тем фактом, что в XV в. святым покровителем Молдовы стал Св. Иоанн. С этим согласуется и динамика различных форм имени Иоанн: она свидетельствует, что бурный рост его популярности начинается с середины XV в., то есть, учитывая временной лаг, через одно поколение после того, как в начале XV в. Иоанн Новый, или Сучавский, был провозглашен официальным покровителем Молдавского княжества.

Объяснима и высокая популярность имени Гавриил. Ведь согласно результатам исследования А. А. Романчука и С. С. Кроитора, наибольшая часть (около 34 %) церквей средневековой Молдовы (точнее, Пруто-Днестровского междуречья) оказалась посвящена именно паре святых Михаилу и Гавриилу (Романчук, Кроитор 2012: 250–251). На втором месте – церкви, посвященные св. Николаю, и на третьем – Богородице (прежде всего – Успению Богородицы).

Но почему тогда в «Топ-10 личных имен» для «молдаван» не попало имя Михаил?

В этой связи следует заметить, что помимо собственно формы Mihail (которая представлена 87 носителями) следует учесть и другие формы этого имени. И в таком случае популярность имени Михаил оказывается значительно большей: 415 носителей (при 34 формах этого имени).

Если же аналогично учесть все формы имени Gavril (10 форм), то мы получим в целом 269 носителей этого имени. То есть при таком подходе имя Mihail окажется даже намного популярнее, чем имя Gavril.

Таким образом, наши статистические данные в целом подтверждают закономерности, выявленные исследованием А. А. Романчука и С. С. Кроитора. Тем не менее они свидетельствуют, что имя Михаил было все же заметно популярнее имени Гавриил в средневековой Молдове.

Итак, вот основные результаты интерпретации данных количественного анализа. Безусловно, этим мы далеко не исчерпали той сокровищницы, которую предоставил нам количественный анализ столь объемной и полной БД. Однако надеемся, что в будущем многие из вопросов, лишь намеченных или мельком затронутых здесь, получат дальнейшее развитие.

Благодарность. Мы крайне признательны И. В. Горофянюк, чьи добрые советы и замечания очень способствовали улучшению нашей работы.

Библиография

Еремия А. 1970. *Нуме де локалитэць: студиу де топонимие молдовеняскэ*. Кишинэу: Штиинца.

- Еремия А., Косничану М. 1974.** *Нуме де персоане. Личные имена.* Кишинэу: Картя Молдовеняскэ.
- Зализняк А. А. 2004.** *Древненовгородский диалект.* М.: Языки славянской культуры.
- Мельничук О. С. 1966.** Назви місця, приміщень. *Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов* / Ред. О. С. Мельничук, с. 140–152. Київ: Наукова думка.
- Никонов В. А. 1988.** *География фамилий.* М.: Наука.
- Полевой Л. Л. 1985.** *Раннефеодальная Молдавия.* Кишинев: Штиинца.
- Рабинович Р. А. 2000.** Искушение «волошским орехом», или Балканские волохи и русские волхвы. *Stratum plus* 5: 282–390.
- Рабинович Р. А. 2011а.** *Балканские волохи и русские волхвы. К истокам происхождения.* Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.
- Рабинович Р. А. 2011б.** «Поганые толковины». О происхождении тиверцев. *Stratum plus* 5: 89–106.
- Раевский Н., Габинский М. (ред.). 1978.** *Скорт дикционар етимоложик ал лимбий молдовенешть.* Кишинев: Редакция принчипалэ а енчиклопедией советиче Молдовенешть.
- Рацеева Е. В. 1997.** К вопросу о языке славяно-молдавских летописей XV–XVI вв. *Probleme ale științelor socio-umanistice și ale modernizării învățămîntului* / Ed. by N. Banuh, pp. 151–153. Chișinău: Universitatea Pedagogică «Ion Creangă».
- Редько Ю. К. 1966.** *Сучасні українські прізвища.* Київ: Наукова думка.
- Романчук А. А. 2010.** Антропоним Булай и савиры: вопрос о корреляции. *Revista de etnologie si culturologie* VII: 96–98.
- Романчук А. А. 2013а.** Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны. *Stratum plus* 2010, 5: 283–299.
- Романчук А. А. 2013б.** Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны (полная версия). URL: <http://moldo.org/2nd.php?idm=3&ida=295> (дата обращения: 06.05.2014).
- Романчук А. А. 2014.** Булаештский говор и рефлексы праславянских сочетаний *tj и *dj. *Філологічний вісник Уманського державного педагогічного університету імені Павла Тичини: збірник наукових праць* 5 / Ред. Г. І. Мартинов, с. 47–54. Умань: Візаві.
- Романчук А. А., Кронтор С. С. 2012.** Святые покровители церквей Бессарабии (на территории Пруто-Днестровского междуречья). *Stratum plus* 5: 237–258.
- Романчук А. А., Цвигун Ю. О. 2013а.** Антропонимическая модель на -ай в историческом русском ареале и вопрос о дославянском субстрате. *Вестник КИГИТ* 2012, 6: 131–152.
- Романчук А. А., Цвигун Ю. О. 2013б.** Савроматы и савиры: к возможности уточнения вопроса об этнической природе. *Stratum plus* 3: 293–320.

- Романчук А. А. 2015.** Спор о древненовгородском диалекте в контексте варяго-русской дискуссии. *Stratum plus* 5: 345–356.
- Цвигун Ю. О. 2014.** *Антропонимическая модель на -й в историческом русском ареале и средневековой Молдове: сравнительный анализ*: дипломная работа на соискание степени лицензиата антропологии. Кишинев: Высшая антропологическая школа (рукопись).
- Gonța A. I. 1995.** Indicele numelor de persoane. Veacurile XIV–XVII (1384–1625). *Documente privind istoria României. Seria A. Moldova*. București: Editura Academiei Române.
- Romanchuk A. A., Tsvigun Iu. O. 2013.** The Anthroponomical Model with Suffix -ai in Russian Historical Area and the Problem of For-Slavic Substratum. URL: <http://moldo.org/2nd.php?idm=1&ida=62>.